ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 41 — Понедѣльникъ, 21 ноября (4 декабря) 1905 г. — № 41

Мемуары и воспоминанія.

Эпизодъ изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи. — Петрашевскій и петрашевцы. — „Либеральный образъ мыслей“ и большой кругъ знакомства, какъ пункты для обвиненія. — „Належащія свойства“ — Вѣра въ будущее Россіи — признакъ невѣрія и злочестія. — Шемякинъ судъ. — Бюрократическій регентъ. — Разрушенное благоденствіе Запада и мудрость Востока — Россійская инквизиція или генералъ-аудиторіатъ. — Во славу безславія. — „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“.

I.

Въ исторіи общественнаго движенія, которое, то замирая, то вновь разгораясь, непрерывно шло въ прошломъ вѣкѣ, знаменитое дѣло Петрашевскаго есть не болѣе, какъ эпизодъ.

Эпизодъ, во всякомъ случаѣ, яркій и характерный. Онъ иллюстрируетъ, съ одной стороны, полную подавленность личности, а съ другой — безграничный произволъ власти. Полицейская опека въ государствѣ справляла торжественную вакханалію.

Реакція дошла до послѣднихъ предѣловъ. Все: слово, мысль, инииціатива, личность задавлено пятою произвола. Администрація сама создавала „законъ“.

Къ событіямъ въ Варшавѣ. — Грандіозная демонстрація послѣ обнародованія манифеста о конституціи 17-го октября.
Несмотря на участіе въ процессіи 250,000 человѣкъ, порядокъ населеніемъ нигдѣ не былъ нарушенъ.
Со снимка корреспондента „L'Illustration“, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Къ событіямъ въ Варшавѣ. — Казаки разгоняютъ толпу, собравшуюся для чтенія манифеста о конституціи, расклеенна о на главныхъ пунктахъ г. Варшавы.
Съ рисунка корреспондента „The Graphic“, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Невыносимо было жить и дышать русскимъ незауряднымъ людямъ въ эту мрачную эпоху конца сороковыхъ годовъ.

„Эпизодъ“ начался, именно, такъ, какъ начинались всѣ россійскіе эпизоды.

Главному прислужнику режима кнута, шефу жандармовъ графу Орлову, донесли его вѣрные холопы, состоявшіе на жалованьѣ за ябедничество, что нѣкій, проживающій въ градѣ Санктъ-Петербургѣ, титулярный совѣтникъ Буташевичъ-Петрашевскій проявляетъ качества, не свойственныя мирному россійскому обывателю.

Петрашевскій, — заявляли доносители, — „обнаруживаетъ большую наклонность къ коммунизму и съ дерзостью провозглашаетъ свои правила“.

Доносъ былъ глупъ и бездоказателенъ, но графъ Орловъ принялъ его къ свѣдѣнію. Отдается приказъ: установить надзоръ.

Такое же предостереженіе относительно поведенія Петрашевскаго получаетъ одновременно и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій.

Графъ Перовскій устанавливаетъ, съ своей стороны, „наблюденіе за неблагонадежнымъ“.

Надзоръ шефа жандармовъ и наблюденіе министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствуя каждый за собственный страхъ, въ теченіе девяти мѣсяцевъ установили лишь, что поднадзорный Петрашевскій отличается либеральнымъ кругомъ мыслей и имѣетъ большой кругъ знакомства—около 800 человѣкъ.

Самый важный пунктъ двойного надзора и наблюденія устанавливалъ, что Петрашевскій „устраивалъ еженедѣльно у себя по пятницамъ собранія своихъ знакомыхъ, въ 15—30 человѣкъ, которые, оставаясь до 3-хъ и до 4-хъ часовъ за полночь, въ карты не играли, а читали, говорили и спорили“.

Гора родила мышь.

Однако, сборища русскихъ обывателей безъ выпивки, картъ, сквернословія и амуровъ продолжали казаться предосудительными такимъ знатокамъ подоплеки русской жизни, какими были шефъ жандармовъ графъ Орловъ и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій. Это они хорошо знали по собственному опыту.

Рѣшено было продолжать совмѣстную дружную работу.

„Благонадежному агенту“ провокатору шпіону Антонелли было поручено исполнить возложенное на него порученіе и втереться въ домъ Петрашевскаго. Антонелли исполнилъ блестяще свою миссію. Спасая „основы“ россійскаго благополучія, онъ доносилъ ужасныя вещи, которыхъ самъ явился свидѣтелемъ.

На собраніяхъ Петрашевскаго, дѣйствительно, водки не пили, въ карты не играли, амурами не занимались, а разбирали системы управленія различныхъ государствъ, конечно, не къ выгодѣ Россіи. На слѣдующемъ собраніи Антонелли услышалъ богохульственныя разглагольствованія: о свободѣ книгопечатанія, объ измѣненіи судопроизводства и объ освобожденіи крестянъ, то есть о поколебаніи всѣхъ тѣхъ устоевъ, которыми держалась Россія Орловыхъ, Перовскихъ и Антонелли.

Дальше разбирали сочиненія Фурье и Прудона, которые писали, конечно, не для русскихъ обывателей свои грѣховныя книги. Еще дальше самъ Антонелли собственными глазами видѣлъ, какъ инженерный поручикъ Ѳ. М. Достоевскій читалъ восторженно ходившее въ рукописи письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Бѣлинскій уже съ годъ назадъ успокоился отъ притязаній—„хозяина литературы“—шефа жандармовъ и опочилъ въ мирѣ на Волковомъ кладбищѣ, но „хозяинъ литературы“ еще попрежнему опричнически властвовалъ надъ живыми...

Попутно зоркій глазъ „истиннаго слуги благоденствія Россіи“,—сыщика Антонелли, запримѣтилъ „сводомысліе“ нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ Петрашевскаго, разсуждавшихъ между собой о желательности для Россіи республиканскаго строя.

Это было уже нѣчто осязательное для славы провокаторскихъ способностей Антонелли.

22-го апрѣля 1849 года Антонелли весьма горячо поддерживалъ бесѣду собранія о цензурѣ и о той роли, которую „долженствовала бы принять литература въ развитіи общественной мысли“. Туда уже получилъ свои серебренники.

Это было послѣднее собраніе. Въ тотъ же день послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ арестованіи и отправленіи въ с.-петербургскую петропавловскую крѣпость Петрашевскаго и тридцати восьми близкихъ къ нему лицъ.

II.

Была наряжена слѣдственная комиссія. Послѣ опроса арестованныхъ комиссія убѣдилась, что „донесенія агентовъ о характерѣ собраній у Петрашевскаго и о происходившихъ на оныхъ разсужденіяхъ, касающихся политическихъ вопросовъ, большею частью достовѣрны“.

Цѣлый рядъ новыхъ лицъ былъ привлеченъ къ дѣлу и подвергнутъ „личному задержанію“ до исхода процесса.

Комиссія пришла къ заключенію, что кружокъ Петрашевскаго „былъ ярымъ послѣдователемъ Фурье, который, являясь сторонникомъ равенства между людьми, избиралъ для достиженія этого состоянія путь ученія и примѣра безъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ. Казалось бы, что такое заключеніе комиссіи вполнѣ оправдывало Петрашевскаго. Ученіе о равенствѣ—ученіе Христа. Отсутствіе всякихъ насильственныхъ мѣръ въ дѣятельности Петрашевскаго давало ему и его друзьямъ право быть сторонниками какого-угодно образа мыслей. Но въ томъ-то и дѣло, что бюрократическая Россія, подобно святой инквизиціи, считала своимъ правомъ карать даже за мысли, изгоняя всюду „вольный духъ“.

Комиссія не нашла въ кружкѣ Петрашевскаго стройности и единомыслія и вообще единственнымъ обвиненіемъ противъ него выставила лишь то, что Петрашевскій „видѣлъ идеалъ общественной жизни не въ государствѣ, а въ фалангахъ, въ 800—1,800 человѣкъ, устраивающихъ „фаланстеріи съ особымъ дворцомъ для общаго жительства съ великолѣпными садами“.

Утопія Фурье, конечно, была не по сердцу комиссіи, и за Фурье долженъ былъ пострадать Петрашевскій.

Французъ Фурье не подходилъ подъ дѣйствіе россійскихъ законовъ. Въ противномъ случаѣ, другу человѣчества не миновать бы отеческаго внушенія до Сибири, остроговъ, и нерченскихъ рудниковъ включительно.

Не найдя кромѣ „фалангъ“ и идей о равенствѣ ничего болѣе предосудительнаго въ дѣятельности кружка Петрашевскаго, комиссія болѣе строго отнеслась къ „преступленіямъ“ Кашкина, Дурова, Пальма и Плещеева. Въ вину собраніямъ у Кашкина ставились „стройность и единомысліе“ мнѣній присутствовавшихъ.

Это, по компетентному мнѣнію комиссіи, происходило потому, что цѣлью собраній у Кашкина было изученіе „системъ соціальныхъ и коммунистскихъ, преимущественно системы Фурье“. На собраніяхъ даже было приступлено къ составленію библіотеки изъ „соціальныхъ и либеральныхъ книгъ“, кромѣ того кружокъ не только постановилъ (о, дерзость!) перевести на русскій языкъ сочиненія Фурье, но и почтилъ торжественнымъ обѣдомъ день рожденія знаменитаго писателя и мыслителя.

На собраніяхъ у Дурова и Пальма, комиссія устанавливала фактъ чтенія „недозволенныхъ цензурой“ сочиненій и желаніе кружка устроить собственную литографію,—желаніе, впрочемъ, такъ и не получавшее практическаго осуществленія.

Плещеевъ пошелъ далѣе. У него въ домѣ серьезно разбирался вопросъ о возможности печатанія заграницей книгъ, не разрѣшенныхъ русской цензурой.

Вотъ и всѣ пункты сколько-нибудь „серьезныхъ“ обвиненій, предъявленныхъ узникамъ петропавловской крѣпости.

Къ такимъ жалкимъ выводамъ пришла послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы „слѣдственная комиссія“. Впрочемъ, не къ чести ея необходимо упомянуть еще объ одномъ изъ ея открытій.

Комиссія открыла подозрѣніе (?!) о существованіи въ Россіи тайнаго общества, о желаніи Черносвитова произвести возмущеніе въ Сибири и о стремленіи Момбелли образовать тайное братство взаимопомощи.

Несмотря на „открытія“ комиссіи, не подтверждавшіяся никакими документальными или фактическими данными, за 23-ю лицами была установлена „виновность“ и черезъ пять мѣсяцевъ мытарства, одиночнаго заключенія и нравственныхъ пытокъ, мученики русской свободы предстали предъ ареопагомъ судей особо назначенной военносудной комиссіи.

III.

Предсѣдательствовалъ въ этомъ судилищѣ генералъ-адъютантъ Перовскій; ассесорами были назначены: генералъ-адъютанты графъ Строгановъ 2-й, Анненковъ 2-й, Толстой, сенаторы: князь Лобановъ-Ростовскій, Веймарнъ и Дурасовъ.

... И день „правосудія“ насталъ.

Обвиняемый Петрашевскій не призналъ за собой вины. Онъ назвалъ себя „фурьеристомъ“ и показалъ на судѣ то, что говорилъ и раньше въ дружескомъ кругу: дѣйствительно онъ желалъ „улучшеній въ отечествѣ“. Законы онъ считаетъ хорошими, но ихъ исполнителей дурными; отъ ученія Фурье не отрекается, потому что оно, по его мнѣнію, вовсе не утопія.

Зная высокую научную компетенцію судей и не видя за собою „вины“, Петрашевскій въ своемъ письменномъ показаніи заявлялъ, что для разбора его дѣла слѣдовало бы назначить не слѣдственную, а ученую комиссію. Она бы только могла „разобрать всѣ предметы обвиненій въ видахъ науки, чтобы затѣмъ дать ему, Петрашевскому, средства доказать, что мысль его стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ не была подобіе попытки Икара, что нѣтъ солнца, которое бы могло опалить его крылья“.

Онъ не желалъ насильственнаго переворота, но хотѣлъ бы „полной и совершенной реформы быта общественнаго и фаланстеръ считалъ ключемъ, пробнымъ камнемъ“.

Онъ говорилъ своимъ судьямъ, какъ можетъ говорить только человѣкъ, глубоко убѣжденный въ истинѣ своей вѣры.

— Что вамъ угодно, господа слѣдователи, то и дѣлайте, а передъ вами стоитъ человѣкъ, который съ колыбели чувствовалъ свою силу, и, какъ Атлантъ, думалъ нести землю на плечахъ своихъ.

Фактъ нѣсколько не обычный для русскаго синедріона. Титулованные генералы и передъ ними титулярный совѣтникъ, дерзающій говорить необычныя рѣчи. Пять мѣсяцевъ одиночки, сіяніе звѣздъ и орденовъ, сила и обаяніе мундирной власти не нагнали на него страху. Онъ по-прежнему твердитъ о непризнаніи за собой какой-либо вины, „предер-

зостно" требуетъ вознагражденія себѣ и товарищамъ за незаконное задержаніе безъ суда, и обращается къ судьямъ не подобно обывателю-рабу, а гражданину, сознающему свои права:

— Не будьте же Тарквиніями, не наводите въ общество тишины могилы и безмолвія кладбища; будьте не инквизиторами, а друзьями человѣчества; за вашимъ рѣшеніемъ блюдетъ геній человѣчества, а въ лицѣ Западной Европы еще при жизни ждетъ васъ судъ потомства.

Онъ заканчивалъ свое показаніе пророческими строками:

— Развѣется-ли прахъ мой на четыре конца свѣта, вылетитъ-ли изъ груди моей слабый вздохъ конца тишины подземнаго заключенія, его услышитъ тотъ, кому услышать слѣдуетъ, упадетъ капля крови моей на землю, выростетъ зорюшка, мальчикъ сдѣлаетъ дудочку, дудочка заиграетъ, придетъ дѣвушка, и повторится та же исторія...

Судьи болѣе всего не желали повторенія той же исторіи. Они чувствовали себя Голіаѳами предъ такой маленькой пичужкой, какой носилась въ русскомъ обществѣ освободительная идея. Но пичужка была хотя и маленькая, но живая. На Голіаѳовъ уже выдвигалась праща Давида...

Въ своей запискѣ Петрашевскій просилъ судить его судомъ присяжныхъ, не въ застѣнкѣ келейно, а публично.

Въ защиту себя и своихъ дѣйствій, онъ писалъ о фактѣ, установленномъ слѣдствіемъ: ни онъ, ни его единомышленники не дѣйствовали путемъ разрушенія; онъ только вѣрилъ въ ходъ прогресса.

„Тѣ перевороты,—говоритъ онъ въ своей запискѣ,—которые остаются въ память вѣковъ, въ видѣ миріадъ разрушенныхъ созданій или обозначаются рядомъ новыхъ, совершеннѣйшихъ созданій, долго и медленно вырабатываются въ нѣдрахъ природы. Вездѣ повторяется законъ постепенности и логической связи. Нашъ путь дологъ, но маршрутъ хорошъ у насъ. На распутьѣ въ глухую полночь мы не повѣсимъ унылую голову, въ раздумьѣ, куда итти; не будемъ поджидать счастливой нечаянности запоздалаго прохожаго, чтобы во имя Христа и того, чему мы не вѣримъ, указалъ намъ милостиво путь".

„Намъ негодится вашъ девизъ--разрушеніе. Наша сила не въ числѣ, а въ истинѣ, прямотѣ нашихъ убѣжденій. Все въ природѣ ратуетъ въ пользу истины, чтобы свершилось торжество истины; не надо умалять ея силы и значенія примѣсью къ ней своихъ личныхъ разсчетовъ, не надо подчинять ее интересамъ своей личности, но надо для истины принести въ жертву самолюбивыя притязанія своей личности, не гнаться за мелочными торжествами своего самолюбія ко вреду общаго дѣла".

Самъ агентъ-провокаторъ, подобно Искаріоту, вошедшій подъ личиной друга въ домъ Петрашевскаго, потверждалъ, что въ разговорахъ съ нимъ, Антонелли, Петрашевскій хотя и являлся сторонникомъ республиканскаго образа мыслей, находилъ необходимость введенія въ Россіи суда присяжныхъ, но признавалъ, что правительственный режимъ можно перемѣнить только исподволь, такимъ образомъ, чтобы „идея о перемѣнѣ правительства не заронилась въ головы двумъ-тремъ-десяти лицамъ, но утвердилась бы въ массахъ народа и казалась бы не внушенною, а естественно рожденною, по положенію дѣлъ".

IV.

Петрашевскій открыто и честно высказалъ свои мысли суду. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, въ которыхъ, впрочемъ, не требовалось надобности за яснымъ исповѣдываніемъ своего символа вѣры со стороны обвиняемаго, фигурировалъ черновикъ рѣчи, произнесенной на обѣдѣ, данномъ кружкомъ въ честь Фурье. Въ другихъ бумагахъ, опечатанныхъ у Петрашевскаго, нашли обрывки статей, трактовавшихъ о негодности свода закона, о преобразованіи монастырей въ богадѣльни, о необходимости гласнаго суда, а не келейнаго, и т. д.

Могъ-ли россійскій обыватель трактовать о сихъ „преступныхъ" вещахъ, могъ-ли безъ благословенія святѣйшей цензуры пытаться даже думать о нихъ съ перомъ въ рукахъ русскій писатель?!

„Хозяинъ литературы" на все простиралъ свое бдительное полицейское око и свою властную жандармскую руку. Русскіе люди могли только процвѣтать и благоденствовать подъ опекой правительства и слагать ему акаѳисты въ прозѣ и стихахъ...

Обвиненія, предъявленныя къ остальнымъ товарищамъ по кружку Петрашевскаго, были еще менѣе основательны.

Самое страшное изъ обвиненій, предъявленное Стрѣшневу, сводилось къ организаціи имъ тайнаго общества къ ниспроверженію существующаго порядка и занятіямъ заграницей исторіей тайныхъ обществъ.

У Момбелли въ числѣ рукописей была найдена записка о римлянахъ. Записка, по мнѣнію комиссіи, заключала „самыя преступныя мысли въ отношеніи Россіи и наполнена демагогическими выраженіями".

Особенно страшной показалась картина голодающей русской деревни, нарисованная Момбелли и его подпись: гражданинъ Николай. Принятіе званія гражданина поручикомъ лейбъ-гвардіи московскаго полка Николаемъ Момбелли было сочтено, конечно, за ужасную продерзость.

Штабсъ-капитанъ егерскаго полка Львовъ обвинялся въ томъ, что въ своемъ неизданномъ сочиненіи дерзко отзывался о крѣпостномъ правѣ.

Достоевскій вмѣстѣ съ другими товарищами за мечты о лучшемъ будущемъ для Россіи былъ обвиненъ въ вольнодумствѣ.

Несмотря на то, что военно-судная комиссія признала, что организованнаго тайнаго общества еще не существовало, она все-таки (?!) пришла къ заключенію, что „и открытаго уже совершенно достаточно, дабы обратить на себя вниманіе правительства".

Генералъ-аудиторіатъ пошелъ дальше: онъ присудилъ всѣхъ обвиняемыхъ, за исключеніемъ троихъ, виновность которыхъ установить даже сквозь увеличительное стекло было невозможно, къ смертной казни. Послѣдняя, какъ извѣстно, по особой „милости", была замѣнена каторгой.

Полицейско-бюрократическій режимъ, защищая свое разлагающееся тѣло, боялся болѣе всего новыхъ соковъ, свѣжихъ силъ. Но рубя безжалостно вѣтки, онъ не смогъ тронуть корней. Изъ этихъ здоровыхъ корней и вышла та новая, молодая Россія, которая лицомъ къ лицу на нашихъ глазахъ схватилась на жизнь или смерть съ пережитками старины. И она ждетъ для своихъ замученныхъ борцовъ не генералъ-аудиторскаго приговора, а суда всенароднаго.

И этотъ судъ уже устами милліоновъ говоритъ внушительно и бодро:

— Вѣчная память павшимъ борцамъ! Свобода всѣмъ томящимся въ каменныхъ мѣшкахъ тюремъ за великое общее дѣло обновленія родины!

Память о мученикахъ свободы должна быть священна въ сердцахъ гражданъ.

Ник. Носковъ.

Памяти адвоката-гражданина.

(Изъ личныхъ воспоминаній о Л. А. Куперникѣ).

Недавно сошелъ въ могилу популярный адвокатъ, видный общественный дѣятель и неутомимый борецъ за право и свободу,— Левъ Абрамовичъ Куперникъ. Я не въ достаточной мѣрѣ знакомъ съ тѣмъ, что писалось о Куперникѣ, но, судя по отрывкамъ изъ столичныхъ газетъ, которые попались мнѣ на глаза, некрологисты покойнаго все больше пробавлялись анекдотами о немъ, притомъ совершенно апокрифическаго свойства.

Не лишне будетъ, поэтому, обрисовать адвокатско-общественную и литературную физіономію Куперника, попытаться дать болѣе или менѣе полную оцѣнку его разнообразной дѣятельности, вполнѣ имъ заслуженную. Это тѣмъ легче мнѣ будетъ сдѣлать, что въ моемъ распоряженіи, кромѣ нѣкоторыхъ личныхъ воспоминаній о Куперникѣ и его писемъ, имѣется отзывъ о немъ его коллеги, талантливаго адвоката Н. П. Карабчевскаго.

Съ Л. А. Куперникомъ я былъ связанъ многолѣтнимъ знакомствомъ и совмѣстнымъ участіемъ въ нѣсколькихъ газетахъ. Скажу больше: Куперникъ вмѣстѣ со мною уходилъ изъ газетъ изъ-за принципіальныхъ несогласій, и оба мы одновременно вступали въ новыя редакціи.

Я сталкивался съ Л. А. не только, какъ съ журналистомъ, но и зналъ его, какъ адвоката и общественнаго дѣятеля. Всегда и вездѣ Куперникъ оставался „гражданиномъ" въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Воспитанный на идеяхъ 60-хъ годовъ, Куперникъ сохранилъ до конца своей жизни, до гробовой доски, свѣтлые юношескіе порывы и святые идеалы, и готовъ былъ „положить душу свою" за эти „святые идеалы". У судебнаго пюпитра, на каѳедрѣ юридическаго или другого ученаго общества, за письменнымъ столомъ, или въ застольныхъ рѣчахъ и спичахъ—Куперникъ являлся, прежде всего, борцомъ за право и правду и за благо людей. Онъ „во всѣ дни свои" соблюдалъ ту аннибалову клятву, которую далъ въ молодости.

Судебныя рѣчи Куперника обличали въ немъ литературно-образованнаго человѣка, хорошаго юриста и талантливаго оратора; онѣ отличались всегда классическою простотою, но были чужды въ то же время доктринерской сухости юриста.

Онѣ оживлялись порою остроумными сопоставленіями, крылатыми словами, изящными литературными оборотами, цитатами изъ сочиненій любимыхъ ораторомъ классиковъ и писателей, къ числу которыхъ принадлежали Гоголь, Тургеневъ, Толстой, Герценъ, Пироговъ, Бѣлинскій, Грановскій и Чернышевскій; изъ иностранныхъ—Вольтеръ, Гете, Мольеръ и Диккенсъ.

О Куперникѣ циркулируетъ масса анекдотовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были разсказаны послѣ его смерти въ печати, напримѣръ, о заданномъ имъ предсѣдателю суда вопросѣ—„который часъ на его часахъ", о репликѣ прокурору словами гоголевскаго героя: „одинъ прокуроръ порядочный человѣкъ, да и тотъ свинья" и т. д. Но, какъ мнѣ заявлялъ не разъ Куперникъ, большинство приписываемыхъ ему „бомо"—вымышленны. Онъ слишкомъ былъ лойяленъ и уважалъ судъ, чтобы уснащать свои рѣчи плоскими анекдотами и ораторскими кунштюками. На адвокатскій пюпитръ онъ смотрѣлъ, какъ на арену служенія обществу. Его лойяльность и уваженіе къ суду были публично засвидѣтельствованы бывшимъ министромъ юстиціи Набоковымъ.

Куперникъ защищалъ въ кіевскомъ окружномъ судѣ виднаго общественнаго дѣятеля и

Новый министръ народнаго просвѣщенія, гр. И. И. Толстой.

Новый министръ путей сообщенія, К. С. Немѣшаевъ.

Новый министръ финансовъ, И. П. Шиповъ.

Новый министръ торговли и промышленности, Д. А. Тимирязевъ.

благотворителя, обвинявшагося въ растратѣ въ какомъ-то банкѣ. Присутствовавшій на судѣ министръ, выслушавъ рѣчь Куперника, тутъ же, когда присяжные удалились въ совѣщательную комнату, пожалъ ему руку и отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ его адвокатской корректности.

Своею неотразимою логикою, богатою діалектикою, удачнымъ отпарировываніемъ ударовъ противника, Куперникъ покорялъ и убѣждалъ своихъ слушателей.

„Не тотъ ораторъ,— говоритъ Цицеронъ, — кто восхищаетъ, а тотъ, кто подчиняетъ волю слушателя“. Такимъ именно ораторомъ и былъ Куперникъ. Онъ, однажды, защищая ветхозавѣтнаго раввина и его жену, обвинявшихся въ поджогѣ съ корыстною цѣлью, заставилъ плакать на судѣ не только невинно обвинявшихся, но публику. Даже на рѣсницахъ строгихъ судей заблестѣли слезы.

Куперникъ одинаково добросовѣстно относился всегда къ дѣламъ, за которыя получалъ большіе куши, какъ и къ дѣламъ, гдѣ выступалъ безвозмездно, по назначенію.

Говорили, что онъ будто не готовился къ дѣламъ, что онъ часто впервые знакомился съ ними на судѣ. Мнѣ, лично, извѣстны случаи, когда Куперникъ съ поѣзда прямо отправлялся въ судъ. Въ другой разъ онъ съ банкета въ ресторанѣ, затянувшагося до утра, пошелъ защищать кого-то.

Но многочисленные оправдательные приговоры по дѣламъ, по которымъ защищалъ Куперникъ, лучшее доказательство, что онъ никогда не приносилъ въ жертву интересовъ своихъ кліентовъ.

Въ одной одесской

Общій видъ г. Екатеринослава.—Уголъ Кудашевской улицы и проспекта

Погромъ и поджогъ дома Іоффе на Провіантской улицѣ въ Екатеринославѣ.

Разгромленный и сгорѣвшій домъ Рубинштейна на Короткой улицѣ, въ Екатеринославѣ.

Къ погрому въ Екатеринославѣ.

Съ фотографій Б. Берса, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Новый государственный контролеръ, Д. А. Философовъ.

Новый оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, кн. А. Д. Оболенскiй.

Послѣ манифеста. — Процессiя съ красными флагами на Пушкинской улицѣ, въ г. Одессѣ.

Со снимка корреспондента, автотипiя „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“

газетѣ, съ которой Куперникъ разошелся, его систематически обвиняли въ томъ, что онъ пропускалъ-де всегда сроки и этимъ наносилъ ущербъ своимъ клiентамъ. Для адвоката такое обвиненiе очень тяжело и неудобно, и оно было, кажется, одной изъ главныхъ причинъ, по которымъ Куперникъ оставилъ Одессу, гдѣ онъ подвергался облыжнымъ нападкамъ.

Объ отъѣздѣ Куперника искренно пожалѣло мѣстное общество. Онъ однимъ своимъ присутствiемъ вносилъ всюду оживленiе. Самые интересные доклады въ мѣстномъ юридическомъ обществѣ дѣлалъ онъ, Куперникъ. Самымъ остроумнымъ оппонентомъ являлся опять-таки Куперникъ.

Изъ-за одного Куперниковскаго реферата о судебныхъ „новеллахъ“ при Александрѣ III юридическое общество должно было скоро прекратить свое существованiе, самый рефератъ, отпечатанный отдѣльной брошюрой,

Баррикада на Новосельской улицѣ.

Баррикада изъ опрокинутыхъ вагоновъ и телефонной проволоки.

Члены одесскаго комитета общественной обороны, убитые громилами.

Могила ста сорока жертвъ погрома.

Къ событiямъ въ Одессѣ.

Съ фотографiй корреспондента, автотипiя „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

былъ конфискованъ, а типографія, выпустившая его съ разрѣшенія одного предсѣдателя юридическаго общества, безъ своевременнаго представленія въ цензуру, подверглась административной карѣ.

Вносилъ Л. А. Куперникъ большое оживленіе и въ мѣстную печать своимъ участіемъ въ ней, въ качествѣ высообразованнаго и отзывчиваго публициста, фельетониста и театральнаго критика. Л. А. былъ большой знатокъ и любитель театра, благодаря отчасти родственнымъ отношеніямъ съ М. С. Щепкинымъ, на дочери котораго былъ женатъ; онъ не безъ успѣха подвизался и самъ порою на сценѣ и одно время состоялъ предсѣдателемъ Кіевскаго драматическаго кружка.

Хорошо знакомый съ неблагопріятными условіями провинціальной печати и ея дефектами, Куперникъ не разъ призывалъ къ солидарной и дружной борьбѣ съ тѣми и другими. Предо мною лежитъ рукопись одного изъ его воззваній къ журнальнымъ дѣятелямъ.

„Я берусь доказать—говоритъ авторъ воззванія,—что дефекты мѣстной печати коренятся во множествѣ условій, какъ зависящихъ, такъ и независящихъ отъ редакціи; для улучшенія этихъ условій необходимо посовѣтоваться и уговориться всѣмъ работающимъ на этомъ поприщѣ. Вотъ почему я, взывая къ чувству солидарности и совмѣстнаго труда, предлагаю собраться всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ редакторамъ и сотрудникамъ газетъ и обсудить возникающіе вопросы... Нужно постановить общія правила къ упорядоченію газетнаго дѣла“.

Къ солидарности призывалъ Куперникъ мѣстныхъ литературныхъ дѣятелей при каждомъ удобномъ случаѣ, на юбилеяхъ и банкетахъ.

О другомъ знаменитомъ адвокатѣ покойномъ Урусовѣ, который, къ слову сказать, былъ тѣсно связанъ съ Куперникомъ узами дружбы, графъ Жасминовъ однажды выразился, что „онъ умѣлъ, не запинаясь, говорить безъ умолку 24 часа“. То же графъ могъ бы сказать о Куперникѣ.

Я помню одинъ литературно-общественный банкетъ, на которомъ Куперникъ, уступая просьбамъ собравшихся, среди которыхъ было не мало извѣстныхъ адвокатовъ и представителей судебной литературы, говорилъ почти цѣлый день, приводя всѣхъ въ восторгъ своимъ остроуміемъ, находчивостью и удачными репликами. Но то было не дешевое остроуміе краснобая-зубоскала, потѣшающаго слушателей. И шутками своими Куперникъ старался будить въ людяхъ хорошія, добрыя чувства. Достойный отпрыскъ славной эпохи великихъ реформъ, Куперникъ былъ полонъ свѣтлыхъ и прогрессивныхъ идей того времени, которымъ онъ не измѣнилъ ни на іоту до самой кончины своей.

Печальное извѣстіе о томъ, что Куперника не стало, застало меня за границей, въ далекой Аббаціи. Въ этомъ курортѣ я часто встрѣчался съ нашей адвокатской знаменитостью Н. П. Карабчевскимъ, и теперь еще пребывающимъ за границей. Разумѣется, при первой же встрѣчѣ нашей послѣ появленія въ заграничной печати сообщенія о печально-торжественныхъ похоронахъ Куперника, мы обмѣнялись воспоминаніями о немъ.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я въ адвокатурѣ,—сказалъ мнѣ Н. П. Карабчевскій,—я помню Льва Абрамовича. Одно время отъ В. Д. Спасовича я заслужилъ прозвище „Fliegender Holländer“ за то, что часто уѣзжалъ изъ Петербурга для защиты въ провинцію. Какое-же прозвище надо было бы дать за это Купернику? Это былъ буквально „галоппирующій“ адвокатъ. Я думалъ, что его походный чемоданъ никогда на два не разбирался. Въ Тифлисѣ и въ Вологдѣ, въ Одессѣ и Тулѣ, въ Кишиневѣ и въ Екатеринбургѣ,—по газетнымъ отчетамъ выходило,—онъ бывалъ чуть ли не одновременно. Отъ одного сенсаціоннаго процесса онъ скакалъ уже на другой, всюду являясь желаннымъ для интересовъ правосудія борцомъ, талантливымъ, находчивымъ и рѣшительнымъ въ трудную минуту. Грозный противникъ, онъ союзникамъ бывалъ незамѣнимымъ по своей искренности, вѣрности и простотѣ.

Принадлежа по возрасту къ одному изъ первыхъ поколѣній адвокатовъ, когда еще „загребались куши“ и наживались цѣлыя состоянія, Куперникъ до конца своихъ дней остался вѣрнымъ себѣ—это былъ вѣчный „студентъ“ въ лучшемъ значеніи этого слова. Походный чемоданъ и самая неприхотливая обстановка скромной квартиры были всѣмъ его имуществомъ. Въ его натурѣ было по истинѣ какое-то „святое безпокойство“ и вѣчная непосѣдливость.

— У меня самого въ молодости были страстишки, — заявилъ мнѣ между прочимъ Н. П.,—какъ можно чаще мѣнять квартиры; я терпѣть не могъ такъ называемыхъ насиженныхъ мѣстъ. За это отъ уравновѣшенными и солиднаго Лохвицкаго я получилъ однажды форменную распечку. Онъ мнѣ прямо сказалъ: „адвокатъ, который заставляетъ искать себя, никогда не наживетъ кліента. Что же дѣлалъ Куперникъ? Онъ не только мѣнялъ квартиры, мѣнялъ города. Долгое время онъ жилъ въ Москвѣ, потомъ метнулся въ Кіевъ, потомъ въ Одессу потомъ опять въ Кіевъ. Въ послѣднее время онъ поговаривалъ о переѣздѣ въ Петербургъ. Но и на этихъ „постоянныхъ“ квартирахъ его рѣдко можно было застать, онъ бывалъ вѣчно въ разъѣздахъ.

Слишкомъ много было артистической шири и нервной отзывчивости въ его натурѣ чтобы выработать въ себѣ настоящаго профессіонала-ремесленника, чтобы содержать свою адвокатскую „волочку“ всегда въ порядкѣ. Жилъ онъ исключительно своимъ адвокатскимъ и литературными заработками и проработалъ такъ всю свою жизнь, получая очень скромные гонорары. Онъ не былъ баловнемъ судьбы. Его неустанное стремленіе къ лучшимъ идеаламъ человѣчества и къ самой широкой свободѣ—было взрощены не на мало надежной почвѣ даровыхъ наслѣдственныхъ хлѣбовъ или служебныхъ окладовъ, а на почвѣ неустаннаго поденнаго труда и настоящей борьбы за существованіе. Вотъ почему онъ былъ цѣльнымъ человѣкомъ со своими искренно „освободительными“ идеями и демократическими вкусами. Онъ не поддѣлывался къ нимъ только ради любви или,—чего Боже сохрани,—грядущей выгоды... Если бы нужно было пожертвовать жизнью ради нихъ, онъ бы охотно ее отдалъ“...

Въ послѣднее время, когда зародилось у насъ освободительное движеніе, Куперникъ одинъ изъ первыхъ самоотверженно ринулся въ бой. Онъ не зналъ устали, разъѣзжалъ изъ города въ городъ, говорилъ рѣчи на банкетахъ и собраніяхъ, призывалъ къ борьбѣ съ отживавшимъ режимомъ, не щадя живота своего. И онъ палъ, какъ воинъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Прошлою зимою Куперникъ пріѣхалъ въ Петербургъ на адвокатскій съѣздъ, который, какъ извѣстно, оффиціально не состоялся, и далеко не всѣ адвокаты принимали въ немъ участіе. Не принялъ въ немъ участія и Н. П. Карабчевскій, стоящій нѣсколько въ сторонѣ отъ движенія, въ которомъ играютъ не послѣднюю роль многіе его коллеги. „Я во многомъ не соглашался съ покойнымъ Куперникомъ—сказалъ мнѣ Н. П.,—и рѣзко осуждалъ нѣкоторые, преимущественно тактическіе пріемы его единомышленниковъ. Онъ на это, съ несвойственною ему грустью, замѣтилъ мнѣ:

— Хорошо вамъ разсуждать, вы вонъ еще надѣетесь гдѣ-то и когда-то легально сказать какое-то свое слово... А у меня этой надежды нѣтъ: я старъ, не сегодня-завтра умру, и когда тебя засыпятъ землею, оттуда не проклясть того, что всю жизнь безпокойно таилось въ груди, что безсильно клокотало въ ней и порою готово было задушить тебя... Нѣтъ, нѣтъ я радъ этому съѣзду... Я отвелъ душу. Я знаю, что меня привлекутъ по 126 ст. Тѣмъ лучше... Время настало! Вѣрьте, время настало! Теперь, или никогда должны быть добыты нашею родиною свободы. Какъ бы я былъ счастливъ ради нея пожертвовать даже жизнью... остаткомъ моей жизни“...

И я охотно вѣрю искренности этихъ словъ Л. А. Куперника. Я вѣрю, что онъ, не колеблясь, сталъ бы съ оружіемъ въ рукахъ у баррикады въ защиту той свободы, для завоеванія которой онъ боролся всю жизнь съ перомъ въ рукахъ, съ каѳедры ученыхъ обществъ и даже у адвокатскаго пюпитра...

А. Е. Кауфманъ.

16.000 осужденныхъ.

Германская армія.—Дезертиры.—Жестокость дрессировщиковъ.—Когда ружья заряжены.—Утонченная жестокость.—„Старые служаки“.—„Дубина“ у входа.—Нѣмецкая выправка.—Какъ подводятъ всю роту.—Положенные „подъ сукно“ самоубійцы.

Дѣйствіе происходитъ не во времена Нерона, а въ XX вѣкѣ, въ германской арміи, считающейся военными писателями одной изъ самыхъ образцовыхъ по дисциплинѣ и порядку. Можно вѣрить или не вѣрить обличительнымъ бытописаніямъ изъ жизни большихъ и малыхъ гарнизоновъ, но никакъ ужъ нельзя отрицать, что въ теченіе одного только 1904 года 16,000 солдатъ германской арміи были присуждены къ тюрьмѣ и арестантскимъ ротамъ. Замѣтимъ, что въ это чудовищное число не входятъ наказанія, налагаемыя собственной властью командировъ отдѣльныхъ частей: главный контингентъ осужденныхъ составляютъ наиболѣе тяжкіе съ военной точки зрѣнія преступники,—дезертиры, отказавшіеся повиноваться приказу, оскорбители словомъ и дѣйствіемъ, покусившіеся на жизнь начальника и т. п.

Мы заимствуемъ свои данныя не изъ произведеній „враговъ арміи“, а изъ оффиціальныхъ отчетовъ криминальной статистики, заведенной въ нѣмецкихъ войскахъ съ 1901 года. Согласно этимъ отчетамъ, за три послѣдніе года число преданныхъ суду и осужденныхъ военныхъ достигаетъ 3.532 чел. во флотѣ и 43.955 чел. въ арміи, причемъ среди нихъ не менѣе 7 419 дезертировъ. Въ „Современномъ Обозрѣніи“, выпускаемомъ въ свѣтъ цюрихскимъ издательствомъ „Народное Слово“, помѣщена отличная статья Артура Новаковскаго, въ которой онъ разбираетъ вопросъ о „неблагополучіи“ въ германской арміи и приходитъ къ выводу, что большая часть военныхъ преступленій совершается вслѣдствіе тѣхъ издѣвательствъ и мученій, которыя приходится выносить рекрутамъ отъ своихъ дрессировщиковъ и которыя порой граничатъ съ явнымъ безстыдствомъ. Само собой разумѣется, что подкладкой этого безстыдства всегда является трусость. Дрессировщики, или такъ-называемые „старые служаки“, очень любезны съ рекрутами, когда ружья заряжены. Имъ нельзя мучить солдатъ во время стрѣльбища, во-первыхъ, потому, что ружья заряжены, а во-вторыхъ, потому что тутъ

сегда присутствуетъ высшее начальство. Зато въ остальное время, когда опасности никакой нѣтъ, издѣвательства и истязанія надъ рекрутами доходятъ до утонченности. Если, напримѣръ, рота выходитъ на ученье или въ походъ, то „старые служаки“ занимаютъ мѣста во вторыхъ рядахъ позади своихъ жертвъ и, такимъ образомъ, всегда видятъ ихъ передъ собой. Начинается походъ или ученье, и „старый служака“ немедленно принимается толкать рекрута сапогами или наступать на пятки, а бѣдняга не смѣетъ обернуться. Когда ротный командиръ, который обыкновенно бываетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и верхомъ, не подозрѣвая, что рекрута толкаютъ ногами, замѣтитъ, что послѣдній шатается или разстраиваетъ линію фронта, онъ разноситъ несчастнаго и назначаетъ на внѣурочныя занятія.

Съ перваго момента рекрутъ есть, въ глазахъ „стараго служаки“, просто „дубина“, и остается таковой вплоть до самой отставки старослужащаго. Лучшій, способнѣйшій новобранецъ, стоя передъ самымъ плохонькимъ „служакой“, обязанъ выносить отъ руки послѣдняго градъ пощечинъ. Таковы преданія и „духъ“ нѣмецкой арміи. Если новобранецъ протестуетъ противъ пощечинъ, если даже только упрашиваетъ своего мучителя „не дѣлать этого“, то „служака“ собираетъ 5—20 своихъ товарищей, и они учреждаютъ форменное судьбище. Они не спрашиваютъ, конечно, имѣлъ-ли „служака“ хоть какое-нибудь основаніе для издѣвательства, и подавно ужъ не допрашиваютъ новобранца. Новобранца просто на просто осуждаютъ за то, что онъ не хотѣлъ вынести ударовъ отъ „старшаго“, и такъ обрабатываютъ сабельными ножнами, что несчастный лишается чувствъ, а потомъ не въ силахъ шевельнуть пальцемъ... Вечеромъ новобранецъ долженъ явиться въ помѣщеніе „служакъ“, подойти къ двери и осторожно постучать. Ему разрѣшаютъ открыть дверь присловьемъ:

Старая дружина,
Глядите, вотъ идетъ дубина!

Какъ только онъ появится на порогѣ, ему летитъ въ голову пара табуретовъ. Если онъ отступитъ, его ждутъ новые побои. Онъ долженъ остаться стоять, и можетъ перехватить табуреты, пока они его не ударили. Затѣмъ онъ долженъ поставить ихъ на полъ возлѣ стола и почтительно спросить „служакъ“, нѣтъ-ли у нихъ для него работы. Послѣ этого онъ получаетъ отъ каждаго „служаки“ по парѣ высокихъ сапогъ для чистки, а иногда и платье. Вмѣстѣ это составитъ отъ 20 до 30 паръ сапогъ. При выходѣ онъ удостаивается нѣсколькихъ заключительныхъ пинковъ ногой съ краткимъ приказомъ подать сапоги черезъ пять минутъ, и чтобъ блестѣли, какъ зеркало.

Новобранецъ долженъ молча выйти и заявиться вновь, когда все будетъ готово. Если у него есть среди новобранцевъ пріятели, то они постараются привести въ порядокъ его аммуницію, пока онъ занятъ до глубокой ночи чисткой 20 или 30 паръ сапогъ. Если же пріятелей не имѣется или у нихъ нѣтъ времени помочь товарищу, то новобранцу приходится итти на службу въ томъ запыленномъ видѣ, въ какомъ онъ былъ наканунѣ. Разумѣется, его разноситъ унтеръ-офицеръ, ругаетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, ротный. Если онъ доложитъ унтеръ-офицеру, что ему надо было вычистить 20 паръ сапогъ для „служакъ“, то „служаки“ жестоко ему отомстятъ; и если даже унтеръ-офицеръ знаетъ ихъ имена, то ему ничего съ ними не подѣлать: онъ боится ихъ и знаетъ, что не одинъ, такъ другой „служака“ непремѣнно сыграетъ съ нимъ какую-нибудь штуку. Если, наконецъ, дѣло доходитъ до самого ротнаго, то онъ ограничивается лишь выговоромъ или, самое большее, назначеніемъ „служакъ“ на получасовыя работы.

„Служака“ легко можетъ подвести самого ротнаго. На смотру, во время церемоніальнаго марша мимо группы высшихъ начальствующихъ лицъ, „служакѣ“ достаточно чуть толкнуть лѣвой рукой сосѣда-новобранца, чтобы онъ пошатнулся и испортилъ строй цѣлой шеренги. А капитану приходится выслушивать рядъ критическихъ замѣчаній. Такихъ случаевъ бывало не мало, и ротные прекрасно это знаютъ.

Какъ было сказано, „служаки“ заставляютъ любого новобранца чистить себѣ сапоги. Но тѣмъ рекрутамъ, которые „имѣютъ честь“ жить съ ними въ одномъ помѣщеніи, они всѣми силами стараются разнообразить повинности: заставляютъ чистить каски, лядунки, мыть бѣлье и т. п. День и ночь занятые своимъ крѣпостнымъ дѣломъ, новобранцы, естественно, не выходятъ изъ разряда штрафованныхъ по службѣ, къ которой вынуждены относиться самымъ поверхностнымъ образомъ.

Оффиціальная статистика, по наблюденіямъ г. Новаковскаго, далеко не полна. Къ 16000 солдатъ, приговоренныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ, гг. военные статистики „забыли“ прибавить тѣхъ несчастныхъ страдальцевъ, которые, не выдержавъ послѣ каторжной жизни еще и лишенія чести по суду, покончили жизнь самоубійствомъ.

Изъ жизни абиссинскаго негуса.

Негусъ Негести и его племянникъ. — Менеликъ. — Любимица негуса. — Радостное событіе. — Супруга Менелика.—Сказочная принцесса.—Трехдневная свадьба.—„Солнце спалило ее“. — Побѣдоносный „левъ пустыни“.

Негусъ Абиссинскій Менеликъ на дняхъ, какъ извѣстно, объявилъ своего племянника Лигъ-Ману правителемъ провинціи Каффа и наслѣдникомъ престола Эѳіопіи. Имя послѣдняго только теперь стало извѣстнымъ Европѣ. Такъ какъ старому негусу пошелъ 61-й годъ, то Лигъ-Ману обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ заинтересованныхъ въ судьбахъ Эѳіопіи. О личности негуса Менелика, главы государства, занимающаго 540,000 квадратныхъ километровъ, т. е. величиною приблизительно съ Германію,—много писалъ абиссинскій государственный дѣятель, совѣтникъ негуса, швейцарскій гражданинъ Ильгъ. Въ описаніи ега и другихъ европейцевъ Менеликъ, повелитель царства, раскинувшагося отъ Нильскаго бассейна до береговъ Краснаго и Арабскаго морей, человѣкъ съ очень нѣжной и впечатлительной душой, прямо—сказочный король.

Въ апрѣлѣ прошлаго года въ королевской резиденціи однажды раздался громъ пушекъ, а за нимъ послѣдовалъ ревъ испуганныхъ львовъ, заключенныхъ въ дворцовомъ звѣринцѣ. Пальба пушекъ извѣщала подданныхъ негуса о смерти члена императорской семьи: умерла внучка негуса, его любимица, носившая поэтическое имя „Золотой дождь“. Исторія жизни этой дѣвушки необыкновенно интересна.

Это было въ 1870 г. Менеликъ былъ еще тогда негусомъ Шоа и мечталъ о будущемъ величіи Эѳіопіи (императоромъ Эѳіопіи онъ сталъ лишь въ 1889 г.). Въ то время при Менеликѣ былъ гаремъ, въ который случайно попала молоденькая дѣвушка, отличавшаяся удивительной красотой и рѣдкимъ умомъ. Она полюбилась Менелику, который въ ней души не чаялъ. Это вызывало зависть другихъ женъ негуса. Однажды негусу пришлось отправиться въ далекую экспедицію и ему пришлось разстаться со своей возлюбленной. Положеніе послѣдней въ гаремѣ стало невыносимо, когда обнаружилось, что она находится въ положеніи и надѣется подарить негусу ребенка, который можетъ привязать ее къ монарху. Преслѣдованія сдѣлали жизнь дѣвушки невозможной и она бѣжала изъ горема, надѣясь добрать ся до войскъ Менелика, чтобы добиться у него защиты. Она долго блуждала, не находя Менелика, и въ дорогѣ разрѣшилась отъ бремени прелестной дѣвочкой, которой дала имя „Шоарега“ въ память о провинціи Шоа, близкой сердцу негуса.

Прошло семь лѣтъ. Заботы и лишенія истомили молодую женщину и она умерла въ нищетѣ, оставивъ ребенка на произволъ судьбы. Но въ судьбѣ ребенка было что то сказочное. Дѣвочка росла у чужихъ людей безъ присмотра. Когда ей исполнилось 18 лѣтъ, ея судьбой заинтересовался одинъ священникъ. Однажды онъ обратилъ вниманіе на кожаный амулетъ Шоареги: онъ вскрылъ его и нашелъ тамъ записку ея матери, раскрывавшую тайну ея рожденія. Священникъ немедленно повезъ дѣвушку въ резиденцію Менелика и привелъ ее къ Таиту, супругѣ послѣдняго, очень умной и доброй женщинѣ. Таиту была бездѣтна, съ радостью приняла дѣвушку къ себѣ и не замедлила представить ее своему супругу. Менеликъ горячо полюбилъ дѣвушку, напоминавшую ему черты покойной жены. Черезъ нѣкоторое время онъ ее выдалъ замужъ за одного изъ своихъ любимцевъ Расъ-Михаила, намѣстника провинціи Воло. Съ королевскими почестями проводили Шоарегу, дочь монарха и бѣдной женщины, въ ту страну, по песчанымъ дорогамъ которой она въ дѣтствѣ блуждала голодная босикомъ, въ непогоду. Но недолго пожила Шоарега: она подарила мужу дѣвочку и умерла. Горю Менелика не было предѣловъ, когда онъ узналъ о смерти дочери. Внучка была немедленно привезена въ резиденцію и воспитывалась при дворѣ Менелика. Въ 1903 г., когда ей исполнилось 12 лѣтъ, она по абиссинскому обычаю была выдана замужъ. Ея суженымъ былъ Расъ-Бецабе, намѣстникъ провинціи Годшамъ. Свадебное торжество продолжалось 3 дня. Прощаясь съ внучкою, Менеликъ произнесъ прочувствованную рѣчь, тронувшую присутствовавшихъ при этой сценѣ, между прочимъ и знаменитаго путешественника Гюга Леру.

Мужу принцессу Расъ-Бецабе было тогда 35 лѣтъ: одинъ глазъ у него вытекъ послѣ какого то сраженія. Молодая женщина не знала счастья. Она скучала и хирѣла. Въ апрѣлѣ прошлаго года она возвращаясь изъ церкви, упала и скончалась. Въ народѣ говорили, что ее спалило солнце.

Быстро мчался всадникъ черезъ горы и долины, неся печальную вѣсть Менелику. Негусъ спалъ, его разбудили и сообщили, что его ждетъ извѣстіе о несчастіи. „Говорите скорѣе, вскричалъ онъ: чего вы боитесь? Я не боюсь смерти! Говорите“. Онъ не боялся, негусъ, своей смерти. Но извѣстіе о смерти внучки убило его. Въ горѣ, императоръ Эѳіопіи, этотъ „побѣдоносный левъ пустыни“, какъ его зовутъ въ Африкѣ, палъ съ плачемъ на землю и разорвалъ свое платье. И въ его слезахъ исходило кровью его разрывавшее отъ горя сердце...

Женщины и тайныя общества.

Исторія даетъ много примѣровъ, доказывающихъ, что женщинамъ столь же свойственно чувство общественности и проистекающая отсюда склонность къ политической дѣятельности, какъ и мужчинамъ.

Женщина уже появляется на аренѣ общественной жизни и обнаруживаетъ часто много темперамента, самопожертвованія и воодушевленія. Моды, кухня и дѣти уже

Процессія черносотенцевъ передъ погромомъ.

не удовлетворяютъ современную женщину, и она выступаетъ наряду съ мужчиной даже въ такихъ областяхъ, проникновеніе куда сопряжено съ большими трудностями и для „сильнаго пола“. Мы говоримъ объ активной политикѣ, которая дѣлается открыто—въ парламентахъ, дворахъ и министерскихъ кабинетахъ,—и о политикѣ тайной, осуществляемой заговорами и мало кому извѣстными подпольными организаціями.

Если „легальная политика“ устраняетъ женщину отъ активнаго участія въ ней, то подпольная политика вполнѣ ей доступна: многія организаціи насчитываютъ въ своихъ рядахъ женщинъ. Вышедшая на-дняхъ въ Берлинѣ книга Леопольда Катчера „Женщины - заговорщицы“ сообщаетъ массу интереснаго матеріала по указанному вопросу.

Въ наши дни женщины играютъ большую роль въ тайной, полу-политической, полу-религіозной сектѣ бабистовъ, играющей большую роль въ жизни персовъ. Однимъ изъ членовъ этой секты убитъ предшественникъ нынѣ царствующаго шаха Музафферъ-Эддина — Насръ-Эддинъ. Въ судьбахъ этой таинственной, мало изслѣдованной организаціи, принимала большое участіе красавица-дѣвушка изъ аристократической персидской семьи, по имени Церринъ-Таджъ (Золотая Корона), прозванная Куррату-л-Аинъ (Утѣшеніе). Она проповѣдывала бабизмъ, обходя пѣшкомъ города и деревни съ посохомъ безъ чалмы и покрывала.

Въ женскомъ вопросѣ бабисты исповѣдываютъ либеральные взгляды: они стоятъ за уравненіе женщины въ правахъ съ мужчиной, за предоставленіе ей въ частной жизни извѣстной свободы, которой женщины на Востокѣ лишены почти абсолютно; между прочимъ, они ратуютъ за право появленія женщинъ на улицахъ и публичныхъ мѣстахъ безъ покрывала.

На Востокѣ женщины принимаютъ участіе не только въ борьбѣ за политическую и религіозную свободу, но и въ организаціяхъ, проповѣдующихъ дикій религіозный фанатизмъ и кровавыя суевѣрія. Въ Остъ-Индіи еще недавно существовала женская секта тайныхъ убійцъ, по названію „Тугсъ“ (или „Тагсъ“), т. е. „бросатели змѣй“. Участницы этой секты, поклонницы богини истребленія Бговани, заманивали мужчинъ и убивали ихъ, наслаждаясь ихъ мученіями. Говорятъ, что отдѣльные члены этой секты имѣютъ на своей совѣсти отъ 600 до 1,000 убійствъ.

Катчеръ разсказываетъ объ интересныхъ сообществахъ XVIII вѣка въ Европѣ, въ которыхъ женщины принимали активное участіе. Къ такимъ сообществамъ принадлежитъ организація по имени „Собачій союзъ“. Это общество основалось послѣ обнародованія извѣстной буллы папы Клементія XII (1738 г.), проклинающей франкъ-массонство. Послѣ появленія ея, извѣстный франкъ-массонъ Клементій-Августъ, герцогъ баварскій и курфюрстъ кельнскій, вызвалъ къ жизни „Собачій союзъ“. Въ союзъ вошли члены закрывшихся массонскихъ ложъ, также и женщины, для которыхъ прежде доступъ въ организаціи массоновъ былъ закрытъ. Многіе общественные посты въ „Собачьемъ союзѣ“ замѣщались женщинами. На ряду съ гроссмейстеромъ союза стояла и гроссмейстерша; первый избирался на всю жизнь, а вторая на ½ года. Названіе союза „собачьимъ“ должно было свидѣтельствовать о вѣрности и преданности, основныхъ добродѣтеляхъ членовъ организаціи. Церемонія вступленія новыхъ членовъ сопровождалась комическими обрядами: новопосвященный не стучалъ въ дверь, но царапался въ нее и лаялъ по собачьему; на него надѣвали ошейникъ съ цѣпочкой; его девять разъ проводили по залу засѣданія съ завязанными глазами, причемъ всѣ присутствовавшіе издавали жалобный вой и стучали палками, лопатками, пѣніями и т. п. Отъ всѣхъ этихъ церемоній не были освобождены и женщины.

Перевозка труповъ убитыхъ погромщиками евреевъ изъ клиники на кладбище.

Жертвы погрома на еврейскомъ кладбищѣ въ Одессѣ

Къ событіямъ въ Одессѣ.

Со снимковъ корреспондента „L'Illustration“, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Галерная, соб. д. № 40. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом.“ С. М. Пропперъ.